

Мать принесла из сеней рогожку, и свинью уложили между лавкой и печкой. Вскоре появился совхозный ветеринар. Поставив сумку на пол, он опустился перед Машкой на колени, покачал головой и без жалости в голосе произнёс:

— Она супоросная. Жди, Настя, приплода.

— Дотянет ли? — засомневалась мать. — Соседи советуют прирезать...

— Не слушай болтунов! Вот сейчас обработаем рану, покроем мазью. Глазом не успеешь моргнуть, как заживёт, — окончательно успокоил мать ветеринар.

А случилось следующее. Дед Игнат ночью вышел во двор по нужде. Заодно заглянул в хлев, подбросил коровам и овцам сена. Понадёжнее подпёр бревном курятник, чтобы лиса ненароком не забралась. Когда возвращался в дом, услышал возню на улице. Подходя к калитке, старик через штакетник забора увидел еле различимую на фоне снега белую свинью и клубок серых извивающихся теней. Подумал: «Собаки взбесились, на соседскую Машку напали. Но почему молча? И куда они её ведут? Не сон ли это? Вроде нет».

Одна собака, вцепившись зубами в обвислое Машкино ухо и упершись всеми лапами в снег, тащила свинью за собой, а ещё три жадно хватали её за бока и ноги. Едва дед Игнат с оглоблей в руках оказался возле неравной схватки, как все собаки разом отскочили в сторону, оцетинились и оскалили зубы. Только тогда до старика дошло, что перед ним — настоящие волки...

После той кошмарной и суматошной ночи мы с Толей проспали до обеда. И только нестерпимое желание поскорее выбежать на улицу подняло нас с постели. В прихожей увидели сразу трёх женщин: мать, разумеется, и двух сестёр — девятилетнюю Римму и двухлетнюю Нину. Римма помогала матери кормить Машку, а Нина стояла в сторонке и, засунув в рот палец, конечно же, рассуждала: «Какая огромная, как чавкает... И откуда свалилась на мою голову?»

Отбитая от волков и сильно израненная Машка до тёплых весенних дней оставалась в доме. Окружённая всеобщим вниманием и заботой, жила, точно королева. А в апреле, как бы в благодарность за это, она подарила хозяйке Насте и четырём её детям четырнадцать здоровых розовых поросят. Если бы вернулся с войны отец — порадовался бы вместе со всеми...

ГОЛУБИНАЯ ФЛЕЙТА

Мы живём в домах Арбата
И среди чертополоха.
Разве птица виновата
В том, что ей живётся плохо?

У неё на свете этом
Нет жилья и даже пищи...
На асфальте перегретом
Птица корм случайный ищет.

Пожалейте, не жалеите —
Дайте ей от хлеба крохи...
Голубь заиграл на флейте,
Хоть дела у птицы плохи.

ИВА

Стоит в овраге ива одиноко,
Проросшая на дне его давно,
И только чёрно-белая сорока
К ней иногда спускается на дно.

Самой природой словно позабыта,
Она в овраге — узнице сродни,
И сотканы из серенького быта
Её года, и месяцы, и дни.

Весною ветви у неё красивы,
На дереве ещё изъянов нет,
Но хочется спросить у этой ивы:
— Сударыня, желаете на свет?

Там, наверху, его всегда так много!
И много у реки таких, как вы.
Прекрасно жить за пазухой у Бога,
Зелёной не склоняя головы.

...Но ничего в ответ не скажет ива,
Обиду на природу затая,
Унижена, прекрасна, молчалива,
Как женщина российская моя.

ГОРЛИЦА

Луна золотит нашу крышу.
Рассыпала полночь росу.
И в эти минуты я слышу,
Как горлица плачет в лесу.

Вы правы: какое мне дело
До горлицы этой сейчас?
Но так она сердце задела,
Что слёзы готовы из глаз.

Замолкли кузнечики даже,
Смущённые плачем из тьмы.
Так плачут любимые наши,
Которых обидели мы.

ЗЕМЛЯКАМ

По-детски сны мои легки,
Но грустно мне сейчас:
Я так давно не вижу вас,
Родные земляки!

Доверясь тёплому лучу,
Как дружеским словам,
Я вместе с ласточками к вам,
Наверно, прилечу.